

ПРИЁМ И РАЗМЕЩЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ С ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1915–1916 гг. (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А. Д. Попова, Н. В. Ларин

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Статья посвящена комплексному анализу проблемы приёма и размещения беженцев из западных регионов Российской империи на территории Рязанской губернии в период с 1915 по 1916 гг. В исследовании использованы документы из Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Рязанской области. Актуальность темы обусловлена недостаточной степенью её научной разработанности в историографии. Несмотря на значительный интерес к истории Первой мировой войны и связанных с ней миграционных процессов, вопросы приёма и размещения беженцев в Рязанской губернии в указанный период остаются практически неисследованными. Таким образом, задачей статьи является комплексный анализ процесса расселения беженцев на территории Рязанской губернии в контексте административных, социальных и экономических аспектов. В фокусе исследования находятся механизмы и инструменты, применяемые местными органами власти, включая губернатора; земские учреждения и городские объединения. Статья представляет собой попытку комплексного изучения одной из малоизученных страниц истории Рязанской губернии в контексте Первой мировой войны. В работе использованы методологические подходы, позволяющие провести анализ проблемы и выявить её особенности, что способствует углублению знаний о миграционных процессах и их влиянии на социально-экономическое развитие региона в условиях военного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Рязанская губерния, Н. Н. Кисель-Загорянский, беженцы, приём и размещение беженцев, работа управленческих структур региона.

Для цитирования: Попова А. Д., Ларин Н. В. Приём и размещение беженцев с Западного фронта Первой мировой войны в 1915–1916 гг. (на примере Рязанской губернии) // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность.* 2026. Т. 11, № 1. С. 13–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-13-19. EDN: TOWFOW.

© Попова А. Д., Ларин Н. В., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

RECEPTION AND ACCOMMODATION OF REFUGEES FROM THE WESTERN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR IN 1915–1916 (ON THE EXAMPLE OF THE RYAZAN PROVINCE)

A. D. Popova, N. V. Larin

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Russia, Ryazan, Svobody St., 46, 390000

The article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of reception and accommodation of refugees from the Western regions of the Russian Empire in the territory of the Ryazan province in the period from 1915 to 1916. The study uses documents from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Ryazan Region. The relevance of the topic is due to the insufficient degree of its scientific elaboration in historiography. Despite considerable interest in the history of the First World War and related migration processes, the issues of reception and accommodation of refugees in the Ryazan province during this period remain virtually unexplored. This circumstance highlights the need for a special study. The article aims at a comprehensive analysis of the refugee resettlement process in the Ryazan province in the context of administrative, social and economic aspects. The research focuses on the mechanisms and tools used by local authorities, including the governor, zemstvo institutions and city associations. Thus, the study is an attempt at a comprehensive

study of one of the little-studied pages of the history of the Ryazan province in the context of the First World War. The paper uses methodological approaches to analyze the problem and identify its features, which contributes to the deepening of knowledge about migration processes and their impact on the socio-economic development of the region in wartime conditions.

Keywords: World War I, Ryazan province, N. N. Kisel-Zagoryansky, refugees, reception and accommodation of refugees, work of regional management structures.

For citation: Popova A. D., Larin N. V. Reception and accommodation of refugees from the Western front of the First World War in 1915–1916 (on the example of the Ryazan Province). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026. Vol. 11, no. 1. P. 13–19. DOI: 10.25206/2542-0488-2026-11-1-13-19. EDN: TOWFOW.

© Popova A. D., Larin N. V., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Современные историки, опираясь на обширный фактологический материал и междисциплинарный анализ, рассматривают Первую мировую войну как ключевое событие начала XX в., оказавшее комплексное и многоаспектное воздействие на глобальное сообщество. В этот период ведущие мировые державы стремились разрешить свои геополитические и экономические антагонизмы посредством крупномасштабного и кровопролитного конфликта, который стал катализатором кардинальных трансформаций в международной системе и оказал разрушительное воздействие на мирное население.

Жители прифронтовых зон, столкнувшись с экзистенциальной угрозой и нарушением привычного уклада жизни, были вынуждены массово мигрировать в более удаленные и относительно безопасные районы Российской империи. Этот процесс миграции привел к возникновению феномена беженства, который имел значительные социальные и гуманитарные последствия, требующие детального изучения и анализа в контексте миграционных процессов.

В ситуации «Великого отступления» Русской армии летом 1915 г. наблюдался обширный миграционный процесс, который характеризовался масштабным перемещением беженцев в глубь Российской империи. Это явление представляло собой комплексную социально-экономическую проблему, требующую не только тщательной координации, но и стратегически обоснованного распределения потоков населения по различным административно-территориальным единицам государства. К сожалению, данный процесс не был должным образом организован и реализован властями.

В рамках миграционной политики беженцы были направлены, в том числе, в Рязанскую губернию.

Цель исследования

В рамках исследования предполагается рассмотреть институциональные механизмы, через которые осуществлялось взаимодействие с беженцами, а также выявить социокультурные и экономические факторы.

В статье проводится комплексный анализ, основанный на архивных материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Рязанской области (ГАРО). В исследовании представлен детальный анализ механизмов размещения и оказания помощи бежен-

цам в Рязанской губернии в период Первой мировой войны. Основное внимание акцентируется на деятельности как губернаторской администрации, так и уездных земских учреждений, которые играли ключевую роль в организации социальной поддержки беженцев.

Данная проблема отчасти затрагивалась в научной литературе такими исследователями, как О. Б. Апушкиной и Л. Г. Кривчиковой в работе 2002 г. «Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века» [1, с. 99] (исследование посвящено польским беженцам, проживающим в Рязани в период Первой мировой войны и первых лет Советской власти); Е. А. Одеговой в статье 2016 г. «Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны» [2, с. 57] (исследование рассматривает проблемы, связанные с оказанием помощи беженцам, где автор опирается на результаты анализа Рязанского вестника и Епархиальных ведомостей Рязанской губернии); Е. Г. Тарабриным в статье 2010 г. «Рязанское земство и Первая мировая война» [3, с. 47] (исследование поднимает вопросы, связанные с помощью населению Земскими управами губернии в период Первой мировой войны).

Методологической основой исследования послужили исторический, микроисторический, историко-типологический, историко-структурный и ретроспективный методы анализа научной исторической информации.

Результаты

25 августа 1915 г. волна беженцев дошла и до Рязанской губернии. Всего к этому времени в Рязань прибыло 2000 чел.; им была оказана первая материальная помощь в размере 20 коп. каждому. В таком же размере эта помощь производилась всё время до устройства питательных пунктов при станции «Рязань», а также при станции «Рязск-1».

С первых чисел сентября число прибывших в губернию беженцев стало быстро увеличиваться и достигло самых больших размеров. В ноябре приток их стал ослабевать и почти затих. В начале движения вынужденных мигрантов всё внимание и заботы должны были сосредоточиться на приёме их по прибытию в губернию, на распределении их по городам и сёлам и на снабжении необходимым ежедневным продовольствием.

Законом от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» для руководства всем делом по поддержке вынужденных мигрантов было учреждено Особое совещание под председательством

министра внутренних дел. Заведование передвижением и устройством беженцев было возложено на губернаторов. Местное же попечение о вынужденных переселенцах и их дальнейшие судьбы возлагались на земские и городские общества учреждений. Подробной инструкции для такого попечения издано не было. Эти инструкции должны были быть выработаны на местах [4, л. 33].

В первую очередь в руках губернаторов оказалась судьба тысяч беженцев, прибывавших с прифронтовых территорий в тыловые губернии. Несмотря на наличие общественных инициатив, в правительстве было единодушное убеждение, что лучше губернаторов организовать размещение беженцев не сможет никто. Между тем главы губерний зачастую не имели в своём распоряжении достаточных ресурсов для принятия большого числа беженцев. Летом 1915 г. губернаторы докладывали в МВД о невозможности справиться с возрастающим потоком вынужденных мигрантов. Наличие в числе последних значительного числа немцев и евреев влекло осложнение социальной обстановки, так как местное население относилось к ним крайне враждебно. Губернаторы действовали бессистемно, руководствуясь зачастую лишь требованиями момента [5, с. 65, 72].

Так, в Рязанской губернии губернатор Н. Н. Кисель-Загорянский от 3 сентября 1915 г. за № 260 получает прошение от Богородского уездного предводителя дворянства С. Х. Роопа. В канцелярии губернатора оно было зарегистрировано 28 сентября 1915 за вх. № 4736. С. Х. Рооп просил в связи с военными событиями найти возможность предоставить в пользование беженцев имеющиеся в распоряжении губернатора свободные усадьбы, дачи, дома, чтобы в них было отопление, домашний инвентарь, корм для скота. Ответом губернатора была простая отписка следующего содержания: «...в моём распоряжении совершенно нет свободных усадеб, дач, домов и прочих помещений, которые можно было бы предоставить в пользование землевладельцев западных губерний в связи с военными событиями своей оседлости» [6, л. 124].

В личной переписке губернатора от 15 октября 1915 г. мы находим письмо от некоего М. Преклонского, скорее всего, человека, состоящего в привилегированном сословии и имеющего классный чин. «Милостивый государь, Николай Николаевич. Моя мать только что сообщила мне о любезном посещении её частным приставом, который совершенно успокоил её от окончательного помещения беженцев в её квартире, которого она так сильно опасалась. Не нахожу слов выразить, как глубоко тронула меня Ваша отзывчивость, и я спешу принести Вашему Превосходительству самую искреннюю сердечную и горячую мою благодарность. Вместе с тем прошу Вас принять уверения в глубококом моём почтении и преданности. М. Преклонский» [6, л. 147, 147 об.].

По мере ухудшения обстановки на фронте дисбаланс между военными и гражданскими властями усиливался растущими социально-экономическими проблемами, справиться с которыми губернаторской власти было не под силу.

На совещании под председательством Н. Н. Кисель-Загорянского, которое проходило 25 августа, ещё до утверждения государем приведённого выше закона, было решено: дело призрения беженцев сосредоточить в губернской управе. Губернская управа взяла на себя задачу по организации приёма вы-

нужденных мигрантов в Рязани и просила Ряжскую уездную земскую управу сделать то же, т. к. именно через эти пункты, главным образом, был направлен приток беженцев в Рязанскую губернию. Также были сделаны необходимые распоряжения об обеспечении прибывающих на первое время продовольствием и пристанищем.

18 сентября 1915 г. управлением было создано совещание, на котором выработывались правила для дальнейших действий по обеспечению беженцев необходимой помощью. Они были обсуждены и окончательно отредактированы в совещании 19 сентября 1915 г. под председательством губернатора и служили руководством в деле попечения беженцев. На означенном совещании было определено, сколько каждый уезд может принять, а именно: Пронский — 5000 чел., Егорьевский — 7000 чел., Данковский, Зарайский, Касимовский, Михайловский, Раненбургский, Ряжский, Скопинский и Спасский — по 8000 чел. Рязанский и Сапожковский — по 9000 чел., а всего — 94000 чел. [4, л. 33 об.]. Этими нормами губернское управление и руководствовалось при распределении беженцев по уездам.

Помимо забот о приёме и распределении беженцев, назначенных в Рязанскую губернию, пришлось приложить немало усилий и к оформлению беженцев, проезжавших через станции «Рязань» и «Ряжск-1», для следования в другие губернии. Для них необходимо было организовать продовольственную и медицинскую помощь. О количестве проехавших через Рязань и Ряжск можно судить по следующим данным:

- 1) при станции «Рязань» накормлены 53301 беженец;
- 2) при станции «Ряжск-1» — около 350000 беженцев и 6870 голов скота [4, л. 33 об.].

Все прибывшие беженцы на станции «Рязань» и «Ряжск-1» подвергались поголовному медицинскому осмотру. В Рязани нуждающиеся в медицинской помощи задерживались для помещения в больницы или амбулатории губернского земства для беженцев. Слабые, дряхлые, нуждающиеся в одежде не направлялись далее, а помещались в особо арендуемые губернским земством помещения «Неаполь» (бывшей гостиницы) [4, л. 33]; бывшие «стражнические» казармы в доме Панкина, где для продовольствия беженцев были приготовлены котлы, нары и все необходимое [7, с. 72].

В сентябре 1915—январе 1916 гг. общественно-педагогический кружок по оказанию помощи беженцам взял на себя заведование тремя домашними ночлежками: бывшими домами Симонова, Фролова; бывшими меблированными комнатами «Неаполь», в которых находились сотни беженцев, ожидавших распределение их по губернии. Под личным наблюдением одного из членов комиссии дом «Неаполь» был приспособлен для жилья. Два дома в Ямской слободе также были переданы под его опеку, общее число беженцев не превышало 100 чел. Кроме обозначенных помещений, губернским земством было приобретено для размещения беженцев три дома в Голенческой колонии [9, л. 3 об.; 4, л. 33 об.].

Скученность населения в указанных городских домах заставляла особенно тщательно следить за посещением беженцами бани. Из-за высокого процента заболеваемости больных направляли к врачу П. Б. Добреянову, который при серьёзных случаях сразу приезжал в дома для беженцев [8, с. 83—85].

С декабря 1915 г. «Неаполь» стал превращаться в постоянное общежитие для тех, которые по болезненному своему состоянию и слабости не были никуда направлены. В 1916 г. в эту богадельню были помещены инвалиды и дети при них на полном довольствии. Общежитие это было в заведывании земским управлением и управлялось Е. М. Афанасьевым. Непосредственный же надзор за ним взяла на себя в качестве попечительницы жена рязанского лесного ревизора госпожа Черкасова. Этим убежищем пользовались также те немущие беженцы, которым приходится останавливаться в Рязани при передвижении из одного уезда в другой, а также приезжающие в Рязань на короткий срок по тем или иным надобностям [9, л. 2 об.].

В революционной Рязани убежище «Неаполь» функционировало с 17 июля 1917 г. до 19 июня 1918 г. О том, что происходило в этом месте каждый день, можно только догадываться, но из документов становится ясно, что помещение было в ужасном состоянии, а персонал вёл себя неподобающе. В богадельне содержались беженцы, готовые переселиться в соседние губернии. По сведениям документов от 28 марта 1918 г. в заведении содержался 21 чел., проезжающих в Тамбовскую губернию, и 93 чел. — в Воронежскую. На 26 апреля 1918 г. список беженцев, проживаемых в «Неаполе», состоял из 33 чел. 16 июня 1918 г. помещение, в котором располагалось убежище «Неаполь», закрыто. С этого числа в нём располагалась команда охраны железной дороги и уголовной железнодорожной милиции [10, л. 4–22].

В Журнале «Совещания Председателей Земских Управ Рязанской губернии по вопросу о беженцах» от 18 сентября 1915 г. содержатся сведения о хаотичной и неорганизованной системе размещения эвакуированных людей. В контексте данного исторического периода проблема вынужденных мигрантов приобрела особую актуальность и остроту, что подтверждается анализом архивных материалов. В условиях стремительного роста численности беженцев административные органы столкнулись с отсутствием эффективных решений для их интеграции и обеспечения условий проживания.

«Осторожный председатель» [3, с. 49] (как его назвал Е. Г. Тарабрин) Рязанской губернской земской управы Владимир Фердинандович Эман довольно эмоционально высказался в отношении неорганизованности государственных структур: «До сих пор нет никаких руководящих указаний: ни о числе беженцев, ни о времени их прибытия, ни о сумме выдаваемого им пособия, ни о порядке выдач — словом, буквально нет никаких указаний» [4, л. 6]. Глава Рязанской уездной земской управы А. Д. Большаков поднимал вопрос о том, что через Рязань «проходит масса беженцев до 30 тыс. в день. Среди них масса без документов. Если расселять этих беженцев по губернии, то они заполнят всю губернию» [4, л. 5 об.]. По этой причине Рязанская уездная земская управа самостоятельно отправляла их на восток. Глава Пронской уездной земской управы Н. И. Ведерников отмечал: «Положение явно ненормальное: часть беженцев застряла в Рязани вместо Казани, и их направляют на Хрущево, но ведь им нужно ехать не в Хрущево, а в Казань» [4, л. 6].

Для оптимизации процесса распределения беженцев, прибывших в губернию, были определены транспортные узлы. При станции «Рязань-1» имелся заразный барак, на устройство и оборудование ко-

торого губернским и Рязанским земством было отпущено 10 200 руб. [4, л. 33]. Распределительные пункты беженцев, назначенные в Рязанской губернии, направляли в уезды партиями беженцев в большем количестве, чем просил прислать тот или другой уезд.

Прибывали беженцы для расселения в губернию и со скотом. Приём и распределение в таком случае были сложнее: нужно было животных накормить, обеспечить кормом для дальнейшего следования и устроить по прибытии на новое место. Данная ситуация послужила своего рода индикатором для государственных структур, отвечающих за социально-бытовое обеспечение населения. К сожалению, следует констатировать, что эти структуры не всегда были подготовлены к решению задач, связанных с оперативной организацией размещения эвакуированных граждан и их домашнего скота в условиях, обусловленных военными действиями.

Беженцев по прибытии в уезды в большинстве случаев встречала местная администрация с заранее высланными за ними подводами для развозки в предназначенные волостные поселения. Всего вынужденных переселенцев к концу ноября 1915 г. в губернии было 79972 чел. По уездам они распределялись так: Данковский — 5889; Егорьевский — 6331; Зарайский — 6817; Касимовский — 2193; Михайловский — 4421; Пронский — 4232; Раненбургский — 5447; Рязанский — 8285; Рязанский — 8475; Сапожковский — 4937; Скопинский — 5152; Спаский — 8793 [4, л. 34].

Ввиду того, что некоторые беженцы по тем или другим обстоятельствам задерживались или оставались в Рязани, то, как и нужно было ожидать, с появлением их в Рязани появилась и общественная помощь. Так Общественно-педагогическим кружком открыто Бюро труда и справок, которое давало возможность оставшимся в городе Рязани беженцам получить работу или необходимые сведения. Кружком общества взаимопомощи женщинам в Рязани была открыта бесплатная столовая, впрочем, почти вполне содержащаяся на средства губернского земства. Центральный обывательский Польский комитет всю заботу о беженцах-поляках принял на себя, взяв также расходы и заботу о материальном их положении в дальнейшем. Точно так же существовало Еврейское общество, которое принимало участие в жизни беженцев-евреев, получающих на это пособие у губернского земства в половинной стоимости — 10 коп. в день. В уездах пошли навстречу в деле призрения вынужденных переселенцев также духовенство и волостные комитеты.

Из-за большого количества обращений от беженцев, которые искали своих близких, возникла острая необходимость в быстром учёте вынужденных переселенцев. Для решения этой задачи в уездах Губернское управление направило специальные карточки, предложенные Министерством внутренних дел, под названием «Билет Б». При получении заполненных билетов администрация имела возможность вести общую регистрацию всех беженцев, осевших в губернии.

Как только наплыв вынужденных переселенцев прекратился, было обращено внимание на устройство детских приютов для сирот-беженцев. Пребывание последних обнаруживается почти в каждом уезде Рязанской губернии [11, с. 53]. Быстрое их открытие задерживалось отсутствием необходимых на это сумм. Не менее настоятельным с наступле-

нием холодов явился вопрос о снабжении детей и взрослых беженцев обувью и тёплой одеждой. В первое время в этом принимало участие местное население — устраивались сборы. Оказалось, что эти способы далеко не удовлетворяли всей нужды. Всё это вызвало необходимость в сравнительном значении денежных сумм. На основании закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» деньги должны были отпускаться казной. Между тем вплоть до марта 1916 г. испытывалась их крайняя задержка на самые необходимые и неотложные нужды.

Очевидно, и размер движения беженцев, и потребности на это средства не были предварительно учтены, а потому и не были предварительно выработаны рекомендации о снабжении местных учреждений необходимыми средствами. В августе 1915 г. на Губернское управление выдано было всего 25000 руб., затем суммы получались в большем размере, но недостаточные для удовлетворения всех нужд. По этой причине Губернскому управлению приходилось прибегать к земским капиталам.

Расчёты составлялись на основании действительных данных по потребности. Управа настоятельно несколько раз просила губернатора Н. Н. Кисель-Загорянского телеграфным путём испросить ассигнование потребных сумм, но даже к началу весны 1916 г. эти просьбы не давали благоприятного результата.

В связи с крайней острой нуждой в удовлетворении потребностей беженцев и настоятельных требований Уездных управ о высылке денег Губернская управа, как уже сказано выше, вынуждена была прибегать к губернским, земским деньгам, имеющим определённое назначение. Ограниченность же последних не давала Губернской управе возможности своевременно удовлетворять требования уездов, а равно организовывать меры, которые могли бы упорядочить делоустройство беженцев, как, например, учреждение приюта для детей и стариков, а также снабжение беженцев одеждой и обувью [4, л. 34, 34 об., 35, 35 об.].

Отношение местного населения к беженцам в Рязанской губернии в период их прибытия и расселения в 1915 г. было амбивалентным, что подтверждается анализом архивного материала, журнала «Совещания Председателей земских управ Рязанской губернии по вопросу о беженцах» от 18 сентября 1915 г. Исследование данного вопроса позволяет сделать вывод о наличии как доброжелательных, так и враждебных настроений среди местного населения в отношении прибывших беженцев. При обсуждении квартирного размещения вынужденных мигрантов глава Михайловской земской уездной управы А. А. Соколов сообщал, что в Михайлове не соглашались отдавать квартиру в наем за 20 руб., отдавали за 25 руб. в месяц. Соколовым предлагалось выработать нормы и принудительные меры, т. к. «аппетиты домовладельцев разгораются все более и более» [4, л. 11].

Причину такому положению дел в своей монографии называет И. Б. Белова «В 1916 г. борьба с дороговизной стала основной темой, обсуждаемой земскими собраниями, общественными городскими управлениями, на которые приглашались представители Главного комитета Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза. Последние разъясняли, что причинами дороговизны являлись:

- 1) расстройство транспорта;
- 2) спекуляция;

3) недостаток продовольственных запасов, сделанных правительством, и рабочих рук;

4) отсутствие государственного контроля за деятельностью синдикатов и банков» [12, с. 72].

Председатели земских уездных управ И. И. Кульберг, Н. Н. Усов, Н. И. Ведерников (Сапожковской, Скопинской, Пронской соответственно) по-разному комментировали переселение беженцев на территорию своих уездов: «Беженцы пришли к нам голые, раздетые; дети с корью, бить их нам — это ужасно; пускай они освоятся, поживут. Сами потом разойдутся»; «Беженцы — какие-то сахарные куклы. Чем хуже их рязанские крестьяне? Пусть беженцы ищут себе работы. Иначе мы только развратим их»; «Беженец ушёл с места. Если мы дадим ему другое, а он отказывается — тогда можно лишать его пайка. Но, ведь, мы знаем, каковы бывают условия труда — даже военнопленные — и те не знают иногда, как убежать с работы. Вольные люди — те бегут без оглядки. С этим надо также считаться» [4, л. 15].

В контексте миграционных процессов и социально-экономических реалий вопрос о балансе между гуманностью и экономической ответственностью приобретал особую актуальность. Проблема условий труда и правовой защищённости вынужденных переселенцев становилась ключевым аспектом, требующим детального анализа и комплексного подхода к решению.

Беженцы воспринимались как временное явление, требующее оперативного урегулирования. Однако такой подход не учитывал долгосрочные последствия миграционных процессов для принимающего общества. Эвакуированные представляли собой не только экономическую, но и социальную проблему, требующую разработки гуманитарных и экономических аспектов.

Вопрос о размере пайка вызывал множество споров. Не на пустом месте была озвучена мысль председателя Касимовской земской уездной управы Н. А. Мансурова, который опасался, что «у беженцев и солдаток получится неравенство: беженцы вместо предложенных 2 руб. на семью на проживание получали бы 3 руб. 60 коп., а солдатки — 3 руб. 55 коп.». Мансуров предположил, что по этой причине могли начаться бунты солдатских жен. Такие инсurreкции описывала в своей работе Энгл Барбара Алперн, она же сделала вывод: «Женщины низших классов демонстрировали способность проводить коллективные действия, исходя из распространённых и усвоенных ими представлений о справедливости» [13, с. 156].

Проследить неоднозначность отношения местного к беженцам можно из срочного, совершенного секретного донесения начальника Рязанского губернского Жандармского управления от 25 октября 1915 г. № 10301 генерал-майора В. А. Бабушкина. «...Установить в точности доминирующую в населении оценку мер, принимаемых Правительством в отношении беженцев, не представляется пока возможным, так как в среде населения не установилось ещё одинаковое определённое отношение к самим беженцам; в то время как одни обвиняют Правительство в том, что оно, отпуская беженцам 20-ти копеечный паёк, плодит дармоедов, другие винят то же Правительство в недостаточности забот о беженцах, в возложении всей тяготы по их устройству на население той местности, в которую водворены. Что касается мероприятий, принимаемых как центральными, так и местными властями

к обеспечению населения жизненными продуктами, то в оценке таковых слышится везде мало скрываемый поголовный ропот и недоверие к даваемым властям разъяснением причин этого крайне опасного явления. Если не считаться с мнением кадет и левее их стоящих, то в остальной массе населения несомненно существует недружелюбное отношение к евреям, подогреваемое слухами о громадном проценте евреев-шпионов в районе военных действий и критическое отношение к расширению черты оседлости. На жизнь местного населения пока ещё не обнаруживает никакого влияния прибытие евреев из эвакуированных местностей, и явление это объясняется тем, что самое внедрение сюда еврейского населения началось с очень недавнего времени и количество внедрённых весьма незначительно...» [14, л. 10, 10 об., 11].

Выводы

Подводя итоги данного исследования, необходимо констатировать, что Рязанская губерния в период Первой мировой войны приняла на себя один из потоков беженцев с территории Западного фронта; дала приют десяткам тысяч вынужденных мигрантов, оставившим свои дома и хозяйства и бежавшим от ужаса войны. В условиях отсутствия четкого плана действий руководители региона оказались способны оценить масштабы миграционного потока. Рязанщина по подсчётам руководства могла принять большее количество вынужденных мигрантов. После того, как беженцы начали прибывать в губернию и распределяться по уездам, остро встал вопрос их материального обеспечения.

Снабжение вынужденных мигрантов минимально необходимым было затруднено, и губерния была вынуждена обращаться к земским и городским союзам. В контексте экономической нестабильности и ограниченных ресурсов беженцам приходилось размещаться в крайне некомфортных условиях, что неизбежно приводило к росту социальной напряженности. В рамках эскалации военных действий на фронте и миграционных потоков, вызванных Первой мировой войной, органы местного самоуправления, включая председателей Уездных земских управ, выражали противоречивые позиции относительно интеграции беженцев в социоэкономическое пространство региона.

Анализ отношения местного населения к беженцам в Рязанской губернии демонстрирует сложное и многогранное взаимодействие в общественной сфере. С одной стороны, беженцы рассматривались как временные переселенцы, нуждающиеся в поддержке и помощи, с другой — их присутствие воспринималось как обуза, связанная с дополнительными издержками. Это было не беспочвенно, так как разное распределение финансовой помощи могло стать катализатором социальных напряжений и даже привести к открытым конфликтам, вплоть до бунтов. Рязанцы, испытывающие трудности с обеспечением собственных потребностей, не проявляли энтузиазма по поводу появления новых жителей, воспринимая их как дополнительную нагрузку на ограниченные ресурсы.

Несмотря на усилия официальных межэтнических организаций, а также структур губернского и уездного уровней, пайковое содержание беженцев оставалось крайне низким и не соответствовало потребностям их жизнеобеспечения. Это существенно затрудняло процесс социальной и экономической адаптации беженцев, что, в свою

очередь, снижало эффективность государственной политики в области миграционного регулирования.

Таким образом, институциональная структура государственной власти не обеспечила в полной мере потребности беженцев в рамках отдельно взятой губернии. Данная ситуация свидетельствует о наличии системных недостатков в функционировании государственных механизмов, ответственных за социальную поддержку и интеграцию в местные сообщества вынужденных мигрантов.

Список источников / References

1. Апушкина О. Б., Кривчикова Л. Г. «Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века» // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ. / отв. ред. Б. В. Горбунов. Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2002. Т. 3. С. 99–109.*
2. Apushkina O. B., Krivchikova L. G. «Pol'skiye bezhentsy na territorii Ryazanskoj gubernii v nachale XX veka» [Polish refugees in the Ryazan province at the beginning of the twentieth century] // *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu krajevedeniyu* [Materials and Research on Ryazan local history] / ed. by B. V. Gorbunov. Ryazan, 2002. Vol. 3. P. 99–109. (In Russ.).
3. Одегова Е. А. Беженцы в Рязанской губернии в годы Первой мировой войны // *Кирилло-Медовские чтения в СамГТУ: сб. материалов XII Всерос. (с междунар. участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Самара, 18 мая 2016 года. Самара: Изд-во СамГУ, 2016. Вып. 4. С. 57–59. EDN: YPMLMZ.*
4. Odegova E. A. Bezhentsy v Ryazanskoj gubernii v gody Pervoy mirovoj vojny [Refugees in the Ryazan province during the First World War]. Kirillo-Mefodiyevskie chteniya v SamGTU: sb. materialov XII Vseros. (s mezhdunar. uchastiyem) nauchnoj konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, Samara, 18 maya 2016 goda. Cyril and Methodius Readings at Samara State Technical University: Proceedings of the 12th All-Russian (with International Participation) Scientific Conference. Samara, 2016. Issue 4. P. 57–59. EDN: YPMLMZ. (In Russ.).
5. Тарабрин Е. Г. Рязанское земство и Первая мировая война // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2010. № 26. С. 47–53. EDN: NXOOMX.*
6. Tarabrin E. G. Ryazanskoye zemstvo i Pervaya mirovaya vojna [Ryazan Zemstvo and the First World War]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Esenin. 2010. No. 26. P. 47–53. EDN: NXOOMX. (In Russ.).
7. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 29. Оп. 395. Д. 1.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoj oblasti (GARO) [State Archives of the Ryazan Region (SARR)]. File: 29/396/1. (In Russ.).
9. Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны // *Российская история. 2014. № 5. С. 62–73. EDN: SVKKGJ.*
10. Minakov A. S. Gubernatorskaya vlast' v gody Pervoy mirovoj vojny [Governors' authority during World War 1]. Rossiyskaya istoriya. Russian History. 2014. No. 5. P. 62–73. EDN: SVKKGJ. (In Russ.).
11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5661.
12. GARO [SARR]. File: 5/4/5661. (In Russ.).
13. Вестник Рязанского губернского земства. 1916. № 1.
14. Vestnik Ryazanskogo Gubernskogo Zemstva. 1916. No. 1. (In Russ.).
15. Годовой отчёт совета Рязанского общественно-педагогического кружка за 1915 г. Рязань: Типография Тарасова, 1916. 123 с.

Godovoy otchet soveta Ryazanskogo obshchestvenno-pedagogicheskogo kruzhka za 1915 g [Annual report of the council of the Ryazan public and pedagogical circle for 1915]. Ryazan, 1916. 123 p. (In Russ.).

9. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 36.

Rossiyskiy Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1322/1/36. (In Russ.).

10. ГАРО. Ф. Р–199. Оп. 1. Д. 127.

GARO [SARR]. File: Р–199/1/127. (In Russ.).

11. Ларин Н. В. «Война, как ни посмотри на неё, — всегда безумие» — организация приютов для детей беженцев в период Первой мировой войны в Рязанской губернии (по архивным материалам) // История: факты и символы. 2024. № 4 (41). С. 43–53 DOI: 10.24888/2410-4205-2024-41-4-43-53. EDN: QCZTXO.

Larin N. V. «Voyna, kak ni posmotri na neye, — vseгда bezumiye» — organizatsiya priyutov dlya detey bezhentsev v period Pervoy mirovoy voyny v Ryazanskoj gubernii (po arkhivnym materialam) [“War, no matter how you look at it, is always madness” — organization of shelters for refugee children during the first world war in the Ryazan province (based on archival materials)]. *Istoriya: fakty i simvolyy. History: Facts and Symbols*. 2024. No. 4 (41). P. 43–53. DOI: 10.24888/2410-4205-2024-41-4-43-53. EDN: QCZTXO. (In Russ.).

12. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г.: моногр. / под ред. Г. А. Бордюгова. Москва: АИРО-XXI, 2011. 288 с. ISBN 978-5-91022-164-6.

Belova I. B. Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914–fevral’ 1917 g. [The First World War and the Russian Provinces. 1914–February 1917] / ed. by G. A. Bordyugov. Moscow, 2011. 288 p. ISBN 978-5-91022-164-6. (In Russ.).

13. Энгл Б. А. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4, № 1. С. 148–178. EDN: RLYBKL.

Engl B. A. Ne khlebom edinyim: zhenshchiny i prodovol’stvennyye besporyadki v Pervuyu mirovuyu voynu [Not by bread alone: women and food riots in the First World War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Pushkin Leningrad State University Journal*. 2010. Vol. 4, no. 1. P. 148–178. EDN: RLYBKL. (In Russ.).

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 124. Д. 58. Ч. 9.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoj Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. File: 102/124/58/9. (In Russ.).

ПОПОВА Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История России и методика обучения истории и обществознанию» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (РГУ имени С. А. Есенина), г. Рязань. SPIN-код: 3789-7496

AuthorID (РИНЦ): 654403

ORCID: 0000-0002-9524-3886

Адрес для переписки: a.d.popova@mail.ru

ЛАРИН Николай Васильевич, соискатель кафедры «История России и методика обучения истории и обществознанию» РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань.

ORCID: 0009-0004-9553-6146

Адрес для переписки: niklar1991@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 11.11.2025; принята к публикации 08.12.2025.

POPOVA Anna Dmitriyevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the History of Russia and Methodology of Teaching History and Social Science Department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

SPIN-code: 3789-7496

AuthorID (RSCI): 654403

ORCID: 0000-0002-9524-3886

Correspondence address: a.d.popova@mail.ru

LARIN Nikolay Vasilyevich, External doctoral candidate at the History of Russia and Methodology of Teaching History and Social Science Department, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

ORCID: 0009-0004-9553-6146

Correspondence address: niklar1991@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 11.11.2025; accepted for publication 08.12.2025.